

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЛЕНТИН НЕМИРОВСКИЙ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Красноярского университета (Россия)

Е.И.Головаха, Н.В.Панина. Социальное безумие: история, теория и современная практика.
К.: Абрис, 1994. — 168 с.

В последние годы, характеризуя ту или иную “нестандартную” ситуацию, мы привычно повторяем: “общество сошло с ума”. Но при этом никто из нас не задумывался, действительно ли социум, подобно индивиду, способен обезуметь, или это просто яркая метафора, обозначающая непривычные пока для нас явления? Не задумывался до тех пор, пока известные украинские социологи Е.И.Головаха и Н.В.Панина не написали любопытнейшую книгу “Социальное безумие: история, теория и современная практика”. В ней плодотворно использованы психологический и социологический подходы описания нового общественного феномена.

Авторы подробно рассматривают социальное безумие в историческом аспекте, подчеркивая различие индивидуальных и общественных психических недугов. В частности, они отмечают трудности диагностики психических заболеваний в социально-политическом мире (с. 17). В книге делается вывод о закономерной идеологической обусловленности оценок состояния психического здоровья людей (с. 20).

В процессе анализа возникла дилемма: признать свихнувшимся целый народ, массово поддерживающий весьма “своеобразные” политические идеи и решения, или усомниться в соответствии собственного рассудка норме, которую принято устанавливать в границах психологических проявлений, характерных для большинства. Авторы видят выход в гипотезе о принципиальной неправомерности психиатрического диагноза для характеристики массового сознания и поведения больших групп населения крупных регионов или даже целых народов (с. 30).

В книге приведен ряд убедительных обоснований этой гипотезы. Существенный интерес представляет описание неспецифических социальных функций психиатрической лексики: инвективной, социально-симулятивной, моральной, идеологической.

Безусловно новаторским видится подход авторов к пониманию социальной патологии. Так, в научный оборот вводится понятие социопатии — такой формы

социальной патологии, которая в условиях безнормности задает “патологическую” (с точки зрения стабильного общества) норму поведения.

Выделяются общие (не зависящие от специфики социальной системы) и специфические (существующие только в рамках конкретных обществ) социопатии (с. 41). Важно подчеркнуть, что авторы рассматривают социопатии именно как предмет социологического, а не психологического или, более того, психиатрического анализа. При этом социопатия (или социальное безумие) отличается от девиантного поведения. Если последнее есть не что иное, как сознательное избирательное нарушение социальных норм, то социальное безумие — это массовая дезориентация в условиях ценностно-нормативного хаоса. Если девиантное поведение непосредственно связано с актом сознательного выбора (нарушать или не нарушать социальную норму), то в патосоциальный процесс индивид вовлекается непроизвольно. В отличие от “вечных” проблем, порождаемых классическими девиациями, социопатии преходящи, и общество избавляется от подобных патологий по мере формирования новых механизмов социальной адаптации. Например, властвующая коммунистическая идеология как специфическая социопатия оказалась преходящим явлением, а уголовная преступность, с которой эта идеология обещала покончить, продолжает развиваться и в обновленном обществе.

Несомненным достоинством данной работы является вначале выдвижение, а затем и доказательство гипотезы о существовании особой социальной патологии — “специфических социопатий, характерных для посттоталитарного общества и обусловленных глобальной ломкой привычной системы социальной адаптации людей, оказавшихся выброшенными из застоявшегося болота тоталитаризма с массой приспособительных механизмов, непригодных для нормальной адаптации к “пьянящему” воздуху свободы, индивидуальной инициативы и ответственности” (с. 43).

Специальная глава посвящена анализу психологического состояния и психологического здоровья посттоталитарного общества. В частности, показано, что для большинства населения характерен достаточно высокий уровень тревожности. Причем наиболее высокая тревожность присуща представителям старших возрастных групп. Важным фактором развития тревожности является и принадлежность к низкостатусным общественным группам. Весьма примечателен вывод, сделанный на основе эмпирических исследований: ориентация на рыночную экономику обуславливает эмоциональную устойчивость (с. 69).

В процессе измерения удовлетворенности, проводимого по специальной методике, разработанной американскими учеными и адаптированной авторами, установлено, что в современном переходном обществе социально-демографические факторы оказывают прямое влияние на дифференциацию населения по ресурсам психологической устойчивости. Ведущим среди этих факторов является возраст. Так, у представителей старших возрастных групп, и прежде всего пенсионеров, произошло катастрофическое снижение жизненной удовлетворенности.

Немало увлекательных страниц посвящено анализу проблем “радиофобии”. Авторы описывают четыре основные черты любой фобии: осознание субъектом ее болезненности, непреодолимость, избежание любой информации об объекте фобии, ритуальные действия, связанные с фобией (например, многократное мытье рук и т.п.). Сопоставляя конкретные факты и результаты эмпирических исследований, они приходят к убедительному выводу о чисто пропагандистском характере версии о массовом распространении “радиофобии”, якобы дезорганизующей жизнь людей, впервые столкнувшихся с радиационной опасностью. Напротив, по мнению авторов, психологическая устойчивость людей, способных жить и работать именно в экстремальных условиях, в значительной мере способствовала снижению последствий радиационной опасности (с. 86).

В третьей главе работы подробно рассматриваются общие социопатии, механизмы их формирования и особенности проявления в посттоталитарном обществе.

ве. В качестве основной субъективной предпосылки дезорганизации “советского общества” авторы рассматривают массовый отказ от старой системы ценностей. Нельзя не согласиться с их мнением, что старая система ценностей уже была отторгнута на уровне индивидуального сознания. Господствующая идеология отражала в основном декларированную систему ценностей, принимаемую индивидами лишь внешне, на уровне социально-нормативных образцов, и поддерживалась разного рода официальными санкциями.

Наиболее обобщенным показателем социального самочувствия в книге справедливо рассматривается социальная востребованность (с. 96): элементами последней выступают степень удовлетворенности человека своим положением в обществе, тем, что он дает обществу и тем, что от него получает.

Эмпирические исследования в Киеве, проведенные авторами, позволили выявить весьма примечательный факт: большинство людей склонны занижать оценку своего положения в обществе. Это является одним из показателей социальной невостребованности индивидов. Немало интересных данных посвящено аномической деморализованности, социальному цинизму и экстремизму. Например, установлена связь между уровнем аномической деморализованности и склонностью к экстремистскому поведению.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют исследования таких форм общей социопатии, как изоляционизм и национальная нетолерантность. Для этого использовались специальные методики, прежде всего шкала социальной дистанции Богардуса. Е.И.Головаха и Н.В.Панина делают вывод о существовании в массовом сознании жителей Украины некоторой восточнославянской обособленности.

В последней, четвертой главе, авторами проанализированы актуальные проявления специфических социопатий в посткоммунистическом обществе. Речь идет, в частности, о патернализме, проявляющемся в отсутствии личной ответственности за свое материально-экономическое положение. Патернализм непосредственно способствует и формированию экстернатальности — перекладыванию ответственности за происходящие с человеком события на окружающих людей и внешние обстоятельства. Между тем, как справедливо отмечается в книге, “переход к демократическому обществу не может быть осуществлен без изменения психологической основы построения нового общества — развития личностной ответственности людей как за собственную судьбу, так и за социальные решения и действия” (с. 129).

Достаточно подробно описаны и некоторые социопатические стереотипы, широко представленные в массовом сознании посттоталитарного общества: “борьбы как созидания”, равенства в потреблении и др.

Несомненным достоинством данной книги является формулировка практических рекомендаций по преодолению социопатий. Авторы справедливо призывают отказаться от навешивания психиатрических ярлыков как на оппонентов, так и на массовое сознание общества в целом. По их мнению, “выход из иррационального духовного пространства связан с активными действиями демократических идеологов, которые должны, наконец, отрешиться от эскапистской стратегии невмешательства в “естественное течение жизни”, ... будущее демократии зависит от идеологической активности ее приверженцев, от их участия в избавлении общества от тоталитарного наследия в облике посттоталитарных социопатий” (с. 150). И с этим нельзя не согласиться.

Работа написана на материалах украинских исследований, однако поднимаемые в ней проблемы весьма актуальны и для современного российского общества. Так, многие из описанных социопатий непосредственно способствовали победе А.Лебеда на выборах губернатора Красноярского края.

Наконец, последнее. В приложении приведен оригинальный и остроумный “Социопатический словарь”, авторами которого являются А.Головаха и Е.Головаха. На наш взгляд, подобное дополнение существенно украсило работу.